

Часть 1

Аластор

Полицейская лента тревожно жёлтого цвета кривой ломаной линией очертила территорию площадью в двенадцать квадратных метров. Ее Саша увидела издалека и сразу замедлила бег.

Она выходила на пробежку в парк 850-летия Москвы каждое утро, если не шёл сильный дождь, и ей удавалось проснуться пораньше. Такой погожий день выпал как раз на одиннадцатое мая. Однообразный пейзаж вдоль реки навевал грусть, в воздухе носились чайки и утки. Дул слабый, свежий ветер, машин не было слышно, будто из Москвы ты сразу попадаешь в пригород. Саша бежала в направлении Братеевского моста, пробежала под ним и мчалась дальше. Она почти достигала конца дорожки, упиравшейся в поросший густым сорняком берег реки, а затем делала перерыв на быструю ходьбу, после чего двигалась в противоположном направлении.

Саша замедлила бег, всматриваясь вдаль.

Часть территории, огороженная сигнальной лентой, оказалась под Братеевским мостом, вторая часть — на выложенной серой брусчаткой пешеходной дорожке. Проход посетителям парка загораживали две машины полиции и одна «неотложка».

«Если бы это был несчастный случай, при котором остались выжившие, в сигнальной ленте не осталось бы нужды. Но лента есть, и есть две машины полиции. Много полицейских, оперативники в гражданской одежде. Тут труп. Точнее, его уже убрали в машину», — подумала Саша, мельком взглянув на место происшествия.

Она прошла мимо него так же, как и все. С тем же лицом, с каким проходят мимо нищих, инвалидов или человека в беде, которому ты объективно не можешь помочь. Она прошла мимо почти по привычке, подобно всем гражданским, гулявшим в парке.

Саша решила закончить с пробежкой и сразу пошла в кофейню.

«Кофе-Хауз» расположился прямо у метро. Она вошла в тесноватое помещение с высокими окнами в стиле модерн и села в кресло. Рассеянно взяла в руки меню и, кусая губы, слепо посмотрела на страничку.

— Что закажете? — раздался голос вежливого официанта над ухом.

— Большой капучино, — ответила она автоматически. — С собой.

— Хорошо. Может быть десерт? Мороженое?

— Нет, спасибо.

Саша открыла нетбук и включила его.

«Сегодня в десять часов утра. Братеевский мост. Возможно, труп. Слишком много полицейских. Если это и убийство, то либо совершено не сегодня, либо совершено по неосторожности, на эмоциях. Слишком открытое место. Хочу посмотреть, что удастся выведать».

Она вела закрытый блог на сайте mydiary, у нее не было читателей, и записи от мужского лица могла читать только она.

Саша проверила, взяла ли с собой таблетки, дождалась свой заказ, посидела в кафе двадцать минут, а потом вернулась в парк.

Он был так же чист, как и вчера в это же время — ни сигнальной ленты, ни машин, ни людей.

«Быстро они. Если бы я пошла на пробежку позже, то могла бы ничего не узнать».

С Братеевского моста каждый год падают или прыгают примерно три человека. Почти всегда это — самоубийцы. Саша это знала, потому что успела изучить статистику. В последнее время там стали находить расчлененные трупы, их приносило к берегу течением: черные свертки полиэтилена путались в камышах.

Саша спустилась по бетонной дорожке к воде и сразу заметила множество листов бумаги, испещренных напечатанными одинаковыми абзацами. Среди них попадались тетрадные листы из блокнота. У опоры моста поблескивал в воде CD-диск.

Она осторожно встала на самый край берега, присела и дотянулась рукой до одного из листов бумаги. Затем достала маленькие прямоугольники страничек из блокнота. До диска она не дотянулась бы даже длинной палкой.

Саша присела на корточки, не боясь испачкать штаны, сфотографировала записи из блокнота — там было название какого-то храма и адрес сайта. На листе бумаги побольше оказалась распечатка нескольких абзацев одинакового текста — русская транскрипция каких-то молитв на санскрите.

Брать с собой сырые листы бумаги она не стала и посмотрела вверх на мост.

«Сильный ветер. Ни одного листа на берегу — все в воде. Вещи выпали откуда-то, но не рассеялись на сильном ветру, а попали в воду. Значит, были в аккуратной пачке и упали вместе с сумкой в реку. Именно поэтому они теперь здесь, а не на берегу».

«Она» — такой вывод сделала Саша из почерка, обнаруженного на бумаге. «Почерк округлый, аккуратный, мягкий. Такой бывает, в основном, у женщин. У мужчин формат такого почерка имеет элементы неряшливости. Но пока нужно учитывать, что почерк не обязательно принадлежит той, что упала в воду».

Саша продолжила осмотр.

«Молитвы на санскрите, посвященные Кришне. Вероятно, йога? Она не обязательно занимается йогой и имеет к этому отношение. Здесь одинаковые абзацы, сильно разделенные пробелами. Некоторые разрезаны. Их очень много. Такое большое количество ни для каких занятий не понадобится. Вероятно, их предстояло раздавать на улице».

Саша прочла в блокноте упоминание о священном озере в Индии. Похоже на сбор сведений для того, чтобы отправиться туда в паломничество.

«Скорее всего, почерк всё же её. И она собиралась в поездку либо помогала кому-то туда собираться. Во всяком случае, дел у неё точно сегодня должно было быть много. И она бросилась в реку? Не упала, потому что поручни

надёжные и высокие. Или её столкнули? Но тогда убийца должен быть безумцем, ведь на мосту есть камеры и всегда полно свидетелей. Учитывая, что жертва должна была бороться или пытаться убежать, а парапет высокий, у него ушло бы много времени на то, чтобы бросить её в воду. Это похоже на бред, и я пока не стану принимать в расчёт убийство».

Саша поднялась на мост по лестнице.

«Если это — самоубийство, то логично прыгать ближе к центру моста — река очень широкая, у берегов мелководье. Но она почему-то упала близко к берегу», — Саша перегнулась через парапет, сильный ветер немедленно взвыл ей в ухо.

«Словно она торопилась».

Саша резко обернулась, ей показалось, что в спину ей кто-то пристально смотрит. Но никого не было.

«Раннее утро. Ты идёшь через мост с сумочкой через плечо. У тебя сегодня много дел. Но потом ты просто останавливаешься. Потом ты просто прыгаешь с моста. Слишком нетипично для самоубийства.»

Она посмотрела вниз, в парк. Ей показалось, что кто-то смотрит на неё, стоя в тени среди диких яблонь у дорожки для пешеходов.

Приступы паранойи случались с ней чаще, чем приступы панической атаки. Чтобы бороться с социофобией она пила таблетки, использовала черные очки и наушники.

Когда Саше позвонили, она вздрогнула. Ее нервировал звонок телефона. Облизав губы, она взяла трубку.

— Привет! — раздался в динамике звонкий голос. — Я звоню, чтобы торжественно позвать тебя сегодня... в ночной клуб!

— Ты хочешь отмечать день рождения там? — с вялым воодушевлением спросила Саша. — Ладно, я приду.

— Ну, ради меня, — протянула девушка. — Я позвала Машку и Генри.

— Ты помирилась с Генриэттой? — снова воодушевление в голосе слишком вялое. — Здорово! А я тут кое

на что интересное наткнулась.

— Наверное речь идёт о каком-то загадочном убийстве, — усмехнулась ее собеседница. — Мне кажется, тебе нужен парень. Будем его сегодня тебе искать.

— У тебя тоже нет парня, — сощурившись, напомнила Саша.

— Тогда мы будем искать двух парней, — не сдавалась подруга. — Отказы не принимаются!

«Я прошу ей это только потому, что сегодня ей исполняется семнадцать», — подумала Саша.

Еще ей захотелось сказать своей подруге, что сегодня с моста в реку прыгнула девушка, и это пока не очень похоже на самоубийство. Она хотела рассказать, что узнала о произошедшем, даже не увидев тела и ориентируясь всего лишь на листы бумаги в воде.

Но Саша не стала этого делать, она словно наткнулась на бетонную глухую стену внутри собственной грудной клетки. Это чувство было с ней всегда. В семье и в кругу друзей никто не понимал её «увлечения». Поэтому она старалась не упоминать о нём в разговорах.

Саше захотелось крикнуть подруге, тряся ее за плечи:

— В мире умер человек, понимаешь, идиотка?! Тебе плевать?! Всем плевать, а мне — нет! И я хочу знать, что толкнуло её на это! Я хочу узнать и узнаю! Пусть мне не платят... пусть я беспомощна... И общаться я не хочу с тобой, потому что ты — дура! Вы все вокруг меня круглые идиоты!

Она потеряла лоб и глубоко вздохнула.

«Они не виноваты. Это я ненормальная. Это мои проблемы...»

Саша никого не винила в своём одиночестве, кроме себя. К тому же, одиночество ее устраивало. Но все же, порой ей не хватало говорящего существа, которое бы ходило рядом и просто комментировало ход ее мыслей.

— Электронный Ватсон, — смеялась ее мама. — Хочешь, я им буду?

«Милая и замечательная ты у меня, — думала печально Саша. — Ты же уснешь, пока я тебе буду рассказы-

вать, чем занимаюсь. И я снова окажусь наедине с собой и своими открытиями, которые никому не нужны, мам. Ты не понимаешь, мама, я хочу... искать причины, толкающие людей совершать зло. Я знаю, что за это не платят. Это — не рисовать картины, не писать книги... Просто прости меня, мама, я... я ненормальная».

Иногда знакомые её спрашивали:

— Ты поступила на философский факультет. Зачем ты составляешь психологические портреты преступников?

И Саша отвечала, что судебный психолог в России просто не имеет возможности зарабатывать по своей специальности. Что профайлер — это одиночка, которого нанимают для чепухи, вроде проверки коллеги или клиента «на вшивость». Он перебивается от заказа к заказу и должен хорошо себя зарекомендовать, чтобы иметь хоть какую-то клиентскую базу. В МВД она идти не хотела, и не желала работать в полиции. Всё интересное происходит в Следственном комитете, но, чтобы туда попасть, нужно уметь драться за карьерный рост.

В остальном, не считая её странной мании составлять психологические портреты преступников и социофобии, Саша изо всех сил казалась заурядной. Даже её странности на фоне остальных не сильно выделялись. Их даже можно было принять за некую дань моде, когда важно отличаться от других.

По телевидению шли сериалы, вроде «Доктор Хаус», «Обмани меня» и «Шерлок». Мода на интеллект разрасталась в образованном обществе с той же скоростью, с какой в своё время росла мода на металл в девяностых. Саша не красилась, носила короткую стрижку, читала Умберто Эко и Гоголя. Она смеялась над собой и говорила:

— Я посредственность!

— Ты так говоришь, чтобы выделиться, — улыбалась Маша.

— Так и есть, — признавала она с глубокой долей странной самоиронии.

«Мне душно. Мне надоело притворяться. Каждая

ваша фраза известна мне заранее. Я живу в мире часовых механизмов. Сейчас ты скажешь, что я...»

— Выпендрёжница, — легкомысленно смеётся Маша.

«И я хочу убить тебя», — дополняла Саша, а сама смеялась так, словно они были закадычными подругами и прекрасно друг друга понимали.

— А зачем ты это делаешь? — спрашивала её мама. — Понять не могу. Для чего это странное хобби?

Слово «хобби» было для Саши обидным, но она никогда не говорила этого. Для неё это — работа, смысл её существования, то, что делало её счастливой. Но она сама не могла ответить на заданный ей вопрос. Это прозвучало бы, как признание в сумасшествии.

— Просто мне интересны люди, — пожимала плечами Саша.

Она лгала. Люди ей были неинтересны совершенно.

Саша сунула телефон в карман и спортивной походкой быстро зашагала к дому. В ту секунду ей снова показалось, что кто-то смотрит на нее слишком пристально. Ощущение было сильным, как тычок пальцем.

«Паранойя», — раздражённо подумала Саша.

— Сегодня у Аськи день рождения, мне придется поехать в клуб, — она вошла на кухню и взяла из вазы яблоко.

Мать посмотрела на нее и слабо усмехнулась:

— Там кто-то умрёт?

— Нет, — ответ от Саши прозвучал с сомнением.

— А звучит именно так!

— Не хочу никуда идти...

— И в кого ты только такая? — с печальной улыбкой спросила ее мама. — Мы с папой в твои годы обожали вечеринки. Да и братья твои дома только ночуют. Иногда.

— Но я хорошо учусь...

— Вечеринки не всегда отвлекают от учебы, если грамотно планировать день, — парировала мама. — Не забудь взять с собой таблетки и будь на связи. Кстати, я могу

сыграть роль злобной гримзы и сказать твоим подругам, что сегодня ты мне нужна дома.

— Мне уже почти восемнадцать. К тому же, мы это в прошлый раз использовали, — сказала Саша. — А тебя и правда так расстраивает то, что я не люблю веселиться? — она подняла брови и посмотрела на маму обеспокоенно.

— Нет, конечно, — улыбнулась та. — Это же твоё право — развлекаться, как тебе хочется. Жаль только, что с фобией твоей всё так сложно.

— Мне тоже.

— Ну, не делай такое лицо. Ты же не виновата, — мама вытерла руки о полотенце. До сего момента она ловко мяла эластичный, большой кусок белого теста, от которого исходил тёплый, сладкий запах.

— Кто знает. Я же не помню, — пробормотала Саша, рассматривая свои руки.

— Знаешь, что? Помоги-ка мне с фруктами. Нарезь их, а потом можешь собраться в клуб на день рождения, — решительно произнесла мама.

Обе непохожие, как огонь и лёд, они всё же прекрасно ладили. Саша — тонкая, с абсолютным отсутствием фигуры, внешне не привлекала к себе внимания. Лицо её было выразительным из-за контраста чёрных волос и светло-серых, как пасмурное февральское небо, глаз под пышными ресницами, но всё портил большой лоб и слишком тонкий, широкий рот. К этому добавлялся по-мужски изогнутый нос, который не красит ни одну девушку. Временами она могла казаться почти симпатичной, но чаще слышала в свою сторону «ну и страхолюдина» от одноклассников. Саша привыкла к своей внешности, она не умела кокетничать и, несмотря на неплохое чувство стиля, оставалась невзрачной. Её мать — пухленькая, изящная женщина с копной каштановых кудрей и большими, зелёными глазами, не была похожа на свою дочь. Саша больше напоминала отца — высокого, стройного, красивого мужчину. От него ей достался и нос, который очень ему шёл, и серые глаза, и чёрные, как уголь, волосы. Она часто думала, что лучше бы родилась

мальчиком. В своей семье она была младшей, единственным интровертом с выраженной социофобией.

«Я должна ценить то, что у меня есть», — твердила себе она, как заклинание, каждый день.

Поэтому Саша изо всех сил старалась быть счастливой.

Она старалась дружить с своими подругами и лишь один раз не расстраивать родных.

Их расстраивали её моменты откровенности. В эти периоды Саша менялась в лице, тон её становился нервным, и она задевала ненужные темы. О несправедливости происходящего в стране, о том, что где-то посадили невиновного, о конформизме в современном обществе. Родные же предпочли, если бы Саша являлась домой под вечер, пьяная в стельку и с засосами на шее. Это, как им казалось, являлось символами счастья любого подростка. Саша твердила, что это — символы отчаяния и ошибок, а родных беспокоило, что ей интереснее смотреть документальные криминалистические фильмы. И стопки тетрадей с конспектами об этом тоже их беспокоили. Лучше бы она коллекционировала бабочек. Лучше бы она плохо училась, была поглупее, но счастливее.

Родственники искренне желали ей только добра. Саша это чувствовала, но также чувствовала и неправильность этого «добра», только не могла догадаться, в чём она заключалась.

Она подошла к зеркалу в своей комнате. Саша нарисовала на веках тонкие, черные стрелки, которые сделали ее глаза выразительнее, а взгляд — острее, затем подняла вверх короткие волосы с помощью заколок, открывая тонкую, длинную шею — единственную несомненно красивую часть своего тела, не считая кистей рук. Она собралась за пятнадцать минут и получив в своё распоряжение до вечера несколько часов свободного времени, сосредоточилась на утреннем происшествии.

Пользуясь поисковиком, она узнала, что значили записи на санскрите.

*«Аум трийамбакам йаджамахе сугандхим пушти
вардханам урварукамирва бандханан мритйор мукийий
мамритат.»*

Переводилось это примерно так:

«Поклонение Трехокому Господу, Шиве, Благоуханному, Несущему Благо! Разрушающий узы рождений и смертей, Да освободит Он нас от смерти ради Бессмертия!»

«Речь идёт о разрушении колеса Сансары, — рассуждала Саша. — Человек, практикующий подобное вероисповедание, обычно не думает о самоубийстве, потому что оно полностью расходится с самой идеей веры. Если все же это — убийство на почве неконтролируемых эмоций, то кто и зачем мог сделать подобное? Разумеется, его можно легко поймать по горячим следам. Это точно уже сделали, не зря же в парке было целых две машины полиции.»

Саша перешла по адресу сайта, который был написан в блокноте и попала на довольно плохо сделанный форум любителей йоги. Она сразу решила посмотреть информацию об администраторах форума. Ими оказались две девушки, их имена скрывали псевдонимы.

«Либо сообщение о смерти я увижу тут завтра, либо в новостной ленте, — подумала Саша. — Таким образом, я проверю себя, ведь не исключено, что я ошиблась в самом начале, да и труп я лично не видела».

Она сделала ещё несколько записей в дневнике и закрыла его.

«Стоп! Что-то не так».

Она снова открыла на нетбуке перенесённые с телефона фотографии. Какое-то время Саша скрупулезно рассматривала почерк.

«Слишком сильный наклон строк вниз, заглавные буквы по размеру не отличаются от маленьких, нажим слабый. Она была подавлена и очень недовольна своей жизнью, но это — не всё. Почерк слишком ровный, аккуратный. Никакой небрежности. Каждая буква отчётливо понятна, словно она пишет для прописей. При этом буквы небольшие и плотно прижаты друг к другу. Она подавлена и замкнута в себе.

В ней слабо развито чувство собственной индивидуальности. Мне сложно себе представить, что она искренне верит в слова молитвы, которая напечатана на листах бумаги».

Взглянув на часы, Саша поняла, что может опоздать. Она заставила себя прекратить анализ почерка и закрыла нетбук, опубликовав в закрытом сетевом дневнике обрывки своего отчёта для дальнейшей работы.

Саша оделась, еще раз взглянула на себя в зеркало и вышла из квартиры. Она спустилась по лестнице и хотела сообщить о своем уходе консьержке, но та сама окликнула её.

— Ты надолго уходишь?

— До полуночи или больше. Что-то случилось?

— Не... Поздно просто, — отмахнулась та нервно. —

Ты же не одна?

— С подругами, — ответила Саша. — Не переживайте, всё будет хорошо!

— Ну, ладно, — она попробовала улыбнуться. — Ты только связи с родителями не теряй.

— Хорошо.

«Никогда не видела её такой встревоженной, — подумала Саша, выйдя из подъезда. — Странно, что она так переживает за меня. Она по-настоящему встревожена. Вероятно, у неё что-то случилось. Нужно будет её расспросить. Если я, конечно, вообще осмелюсь подойти к ней и задать вопрос. А я не осмелюсь, потому что у меня начнётся легкий приступ панической атаки».

Уже в метро Саша забыла о коротком диалоге с консьержкой.

«Мы за столиком недалеко от барной стойки», — написала Ася.

Саша заложила руки за спину, чувствуя лёгкие подступы ужаса. Пальцы ее дрожали. Людей было много, они черными, едва различимыми тенями, танцевали вокруг. Музыка оказалась очень приятной. Этот трек в стиле «минимал» состоял из бархатных, глубоких басов, отдающихся

эхом в самом центре грудной клетки, и лёгких мелодичных вставок. Музыка ассоциировалась у Саши с охотой. Казалось, что в толпе прячется хищник, и эта композиция была написана специально для него.

Саша поздоровалась с подругами, выслушала пару громких шуток на тему того, что она всё же почтила их своим присутствием и улыбнулась.

Это было просто — нужно лишь притвориться, что ты — человек. «Мне не хочется кричать. Мне не хочется, расталкивая всех в разные стороны, бежать прочь, а потом прятаться в тёмном углу, дрожа от рыданий. Я действительно считаю, что танцы в этом клубе — адекватное времяпровождение. Мне совершенно не кажется, что чьи-то глаза следят за мной с тех пор, как я сюда пришла. Успокойся, Саш, всё хорошо, всем наплевать на тебя — это самая лучшая черта тех, кто тебя окружает».

Друзья никогда не принимали фобию Саши всерьёз. Она ходила на учёбу, говорила с людьми, и наверняка её социофобия была модным самодиагнозом.

В какой-то момент Генриетта, которую все привыкли звать Генри, чем она очень гордилась, округлила глаза и спросила:

— Так... Кто-нибудь знает, кто он такой?

Среди них она была самой красивой. Генри знала себе цену, и Саша никогда не видела, чтобы она на кого-то смотрела так, как сейчас.

Ася посмотрела в указанном направлении:

— Я его не знаю, но он, скорее всего, модель.

— Ого... — коротко прокомментировала Маша.

— Тебе же не нравятся парни с длинными волосами, — ответила ей Генри с усмешкой.

— Просто я никогда не видела таких, как он. Но он, скорее всего, гей.

— С чего ты взяла? — быстро спросила Ася, посмотрев на Машу печально и даже чуть-чуть обиженно. — Может, он просто любит за собой ухаживать. А вдруг он — мой подарок на день рождения?

Саша же сказала, коротко взглянув на танцующего:

— Какой неприятный человек!

— Сашка, — цокнула Генриетта, — вот вечно ты так! Тебе никто и никогда не нравится. Причём, чем симпатичнее парень, тем негативнее реакция. Пора вырасти и перестать так реагировать на привлекательных мужчин. Это в глаза бросается.

— И он брови красит, — холодно добавила Саша, проигнорировав замечание.

— Тебе тоже было бы неплохо, — с улыбкой заметила Маша и рассмеялась. — Не куксись! Ась, ну перестань на него залипать! Он заметит.

— Я с ним познакомлюсь, — не отрывая от него внимания, убеждённо сообщила девушка.

Саша с тревогой посмотрела на неё:

— Ты уверена?

— А что такого? — та храбро улыбнулась. — Он меня отошлёт, но я хотя бы попытаюсь!

Её отговаривали. Ей сказали, что у такого, как он, наверняка уже есть девушка. «Или парень», — подняв взор к потолку, добавила про себя Саша.

Когда Ася, осмелев, встала и неторопливо пошла к незнакомцу, Саше это совсем не понравилось. Она пригляделась к нему получше и почувствовала, как падает в глубокую, чёрную пропасть. Рухнув на самое дно, она могла ощущать только тяжесть сердцебиения и холод в собственном парализованном теле.

«Неподвижная мимика. Печальный и задумчивый взгляд — точь-в-точь, как у Джеффри Дамера. Нижние веки глаз сильно опущены, и это делает выражение лица отстранённым. Когда он говорит, то прямо в упор, не мигая, рассматривает человека, не испытывая никакого дискомфорта или смущения. Лицо его при этом совершенно симметрично — он плохо лжёт. У него очень низкий уровень эмпатии. Чрезвычайно уравновешен. Но всё это — не важно. Я могла бы разобрать анатомию его лица по кусочкам с помощью физиогномики. Я никогда не ошибаюсь, если вижу психопата»

та. Впрочем, дело не в том, что он психопат, они не редкость в наше время. Но такие, как он... Я в жизни никогда таких не видела. Читала про них страшилки, книги. Всегда считала, что таких чистых случаев не бывает. И вот он... существует совсем рядом. И никто не видит его, никто не знает, кто он. И он умеет пользоваться этим, потому что очень умён, пожалуй, даже слишком. Подкрашенные брови, стиль его одежды и даже танец — это маска. С ней он выглядит безобидным. Его тело прекрасно тренировано. Он кажется худощавым, тонким, но это — лишь видимость. А теперь вопрос. Зачем психопату притворяться легкомысленным метросексуалом в ночном клубе?» — думала Саша, повернувшись в сторону Аси. Она не могла заставить себя перестать смотреть. Ей стало страшно, руки начали дрожать.

— Ты знаешь его? — удивилась Маша, заметив её состояние.

— Это очень плохой человек, — не оборачиваясь, ответила она.

— Да, мы это уже слышали, — фыркнула Генри.

— Мне нехорошо... — резко произнесла Саша.

«Я должна увести её от него. Сейчас. Немедленно!»

Ее ноги стали ватными. Но она поднялась и быстро, решительно направилась к Асе, не оглядываясь.

— Привет, — улыбнулась она, коснувшись плеча подруги, — вы извините, что я вас прерываю. Слушай, мне становится плохо, таблетки не помогают, а эти две уже набрались. Ты не можешь отвезти меня домой?

Ася посмотрела на неё с печалью и глубокой досадой. Саша чувствовала, что незнакомец на неё смотрит. Она почувствовала почти физически, как его взгляд разборчиво коснулся её шеи, рук, волос, груди и ног.

— Вы выглядите страшно напуганной, — заметил он негромко, бесцветно, но его спокойный голос прогремел в самом её сердце.

Она ему не ответила, даже не взглянула на него.

— Отвезёшь? — спросила она Асю умоляюще.

— Хорошо, конечно...

Ася попрощалась с незнакомцем и вышла вместе с Сашей из клуба. Девушка понимала, что подруга на неё обижена.

Обычно словоохотливая Ася по дороге к метро молчала. Саша же всю дорогу оглядывалась, но никого не видела. Она даже испытала лёгкую досаду. Ей начинало казаться, что она зря увела свою подругу из клуба, но потом вспомнила незнакомца и решительно повторила себе: «Я никогда не ошибаюсь».

Ася почти ничего ей не сказала по дороге к дому, хотя Саша пыталась завести разговор, чувствуя себя виноватой.

«Я не могла отдать тебя ему. Он чёртов псих».

Объяснить это Асе Саша тоже не могла. Её попытки сделать это выглядели бы надуманно и необъективно, как и ее фантазии.

Дома она долго умывалась, пытаясь смыть с тела налипший на него отпечаток города, а главное — пыливый, холодный взгляд того незнакомца из клуба. Саша попросила Асю написать ей, когда она доедет до дома, и она легла спать только когда пришло сообщение от подруги.

Саша проснулась, но некоторое время не открывала глаз, наслаждаясь утренней суетой. Её мама всегда была жаворонком. Она просыпалась раньше всех, варила кофе, наводила лёгкий порядок и проводила большую часть утра за любимой книгой или написанием научной статьи по химии. Порой с самого утра она могла упорхнуть в университет, чтобы встретиться с коллегами и друзьями. Отец зарабатывал достаточно, и ему нравилась мысль о том, что его жена способна позволить себе жить так, как ей хочется. Сам же он обожал самолёты, пилотирование, и всегда привозил с рейсов различные сувениры и интересные истории.

Саша слушала, как шипит на кухне кофеварка, как открываются и закрываются двери, как работает маленький телевизор на холодильнике.

Но вставать ей не хотелось. Она так устала, что не желала видеть никого, включая домашних.

Она всегда говорила, что ей повезло больше других. У неё есть оба родителя, и ни один из них не пьёт, не кричит на детей, оба они — устроенные в жизни, интересные люди, которые ответственно отнеслись к воспитанию своих чад. Они не были богаты, но уж точно не бедствовали. Два её брата вечно друг с другом соперничали, но всё же любили друг друга и баловали младшую сестру, потому что в раннем детстве Саша была красивым и спокойным ребёнком. Она выросла в тепличных условиях заботы и понимания.

Ей и правда повезло.

«Думаю, это потому, что я слабая. В менее пригодных условиях я бы зачихала со своим букетом психологических проблем», — размышляла она.

В дверь постучали, и Саша приподнялась на кровати. Мама отдала ей чашку с кофе и рассмеялась, увидев её лицо:

— Мученица. Я знала, что ты вернёшься до часа ночи. Как всё прошло?

— Я не подожгла ночной клуб, — хмуро ответила Саша, пожав одним плечом.

— Поразительно! Завтрак сделаешь сама, я убегаю. И, кстати, у тебя есть влажные салфетки?

— Да, сейчас дам.

— Вовчик удумал вспомнить детство и пошутил над старшим братом.

— Это не я, — раздался возмущённый голос. — Это, может, Сашка!

— А о чём речь? — удивилась она.

— Сама увидишь, когда он из ванной выйдет, — ответила мама, забирая у неё салфетки.

Саша закрыла дверь и по привычке подошла к телефону. Она заметила, что ей пришло новое сообщение.

Одно и то же сообщение пришло ей на номер телефона, в скайп и вайбер. Это же таинственное сообщение обнаружилось в «Вконтакте». Саша открыла почту и увидела короткое послание и там. Открыв свой дневник, она замети-

ла, что свежая запись возникла в нём ровно в три часа ночи.

Это оказалось сообщение от неизвестного — «Ты видишь меня?: D»

Саша в ступоре села на кровать. Она попыталась ответить на сообщение, но везде писали, что-либо такого номера или адресата не существует.

«Тот, кто прислал мне сообщение, знает все мои контакты? Откуда? Это странно для обыкновенной шутки».

Она встала, подошла к окну и задёрнула шторы. Её знобило.

«Он мог написать мне что угодно, но задал именно этот вопрос, затеял игру. Зачем? Будем исходить из фактов. Он знает меня или у нас есть общие знакомые. Он — хакер, хотя я не могу судить об уровне его квалификации. Он взломал мой личный дневник — это агрессивный жест, который заставил меня думать, что он знает обо мне всё. Если он прочёл хотя бы часть записей, то знает, чем я занимаюсь... В дневнике куча психологических портретов преступников, есть закладки и цитаты на тему психологии. Ещё там много критики существующей законодательной системы. Но всё это — ерунда. Постойте, он задал вопрос, чтобы я создала его портрет?»

Саша снова присела на кровать.

«Если так, то он — маньяк, который решил поиграть со мной в психологическую игру. Если я составлю его портрет или как-тоотреагирую, то стану играть с ним по его правилам. А я этого не хочу».

Она сразу удалила свой майл, дневник, социальную страничку. Она удалила с телефона вайбер и скайп. У неё остался только номер телефона, но тошнотворная тревога не исчезала, а только усиливалась.

Девушка пошла на кухню. Там старший брат готовил завтрак. Он жарил на сковороде овощи. Обернувшись к Саше, спросил:

— Что с лицом?

Она взглянула на своего брата, и почувствовала, как волна ледяного ужаса от ног подступила ко лбу. Руки её

задрожали. По всей видимости, на лице Саши был написан дикий страх, потому что он нахмурился и даже огляделся:

— Привидение увидела?

— Зачем ты нарисовал себе на лбу смайлик? — тихо спросила она, не отводя взора от его лица.

— А это Вовка нарисовал и не признаётся, — ответил он. — Теперь вот смыть пытаюсь, не получается. А ещё открыл в моей комнате балкон. Умник...

— Открыл окно? — всё так же тихо и безэмоционально спросила Саша. — Можно посмотреть?

— Да... смотри, сколько хочешь. Саш, что с тобой происходит?

«Мразь. Как ты посмел ворваться ко мне домой?!» — думала она. На лбу её старшего брата красовался смайлик, оставленный незнакомцем в конце каждого своего сообщения.: **D**.

Первым побуждением Саши было немедленно обо всём рассказать брату, но она остановила себя, стоя на пороге его комнаты и глядя в окно. Она медленно подошла к подоконнику и посмотрела вниз. Саша не имела представления о том, как он забрался на второй этаж. Там нет лестницы!

«Он забрался сюда, взял ручку и нарисовал смайлик на лбу самого сильного родственника в семье. Это — не случайный жест, а предупреждение, говорящее о его намерениях и возможностях. Он как бы предупреждает: если ты кому-то расскажешь о происходящем, то в следующий раз моя выходка приобретёт более серьёзный характер. Он не боится ни полиции, ни того, что я кому-то что-то скажу. Он знает, что полностью контролирует ситуацию».

— Саш, — брат тронул её за плечо. Она запоздало пробормотала:

— Всё нормально. Сильное де-жа-вю.

— Да уж. Ты так на меня смотрела, словно я неожиданно умер.

Она нервно усмехнулась и ничего не ответила.

«Он и ко мне мог зайти, пока я сплю».

Саша быстро вернулась в свою комнату и подошла к ещё не собранной кровати. Представила, как незнакомец стоит над ней, пока она спит. Она неторопливо подошла к своей подушке, не понимая, что делает, словно ведомая неким инстинктом. Затем она медленно подняла подушку и увидела под ней аккуратно сложенный лист бумаги. Вырванная страница из её же ежедневника была исписана всякой чепухой. Список продуктов, которые мама попросила купить, названия нескольких книг, понравившихся Саше, и название одного фильма. Затем следовала запись, которую незнакомец обвёл той же ручкой, какой сделал смайлик на лбу её брата. *«Иногда мне кажется, что демоны существуют. У них нет рогов, нет когтей и страшных, чудовищных физиономий. Но они кроются в людях — невидимые, неосозаемые. И меня тянет к ним...»*

Он обвёл эти слова ручкой не один раз, а с нажимом два раза.

Саша присела на кровать, слепо глядя на записку. В голове её не было ни единой мысли.

А потом мысли появились, они шли друг за другом, лишённые всякой эмоциональной нагрузки.

«Он должен быть сильным, ловким — он забрался на второй этаж ко мне в квартиру очень просто, словно уже делал нечто подобное. Есть вероятность, что это — тот самый парень из ночного клуба, но даже если это так, то это ни о чём не говорит. Какой ему смысл затевать со мной игру? Каков мотив подобного внимания к моей персоне? Какова цель? Он хочет напугать меня, произвести впечатление, чтобы поиздеваться. Психопаты порой так и делают просто ради развлечения без конкретной цели. Я только не понимаю, зачем обводить именно этот абзац из моего ежедневника. Причём здесь он?»

Саша уже встала и стала нервно расхаживать по комнате. Она чувствовала себя в западне. От страха её подташнивало. Больше всего ей не хотелось, чтобы в происходящее оказалась как-то втянута семья. Она не простит себе, если хоть с кем-то из родных что-то случится.

